

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.1

EDN: DJLKYS

В.Б. ЗВОНОВСКИЙ¹, А.В. ХОДЫКИН²

¹ Самарский государственный экономический университет.
443090, Самара, ул. Советской Армии, д. 141.

² Фонд социальных исследований.
443041, Самара, ул. Красноармейская, д. 70, офис 1.

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ СТОРОННИКОВ И ПРОТИВНИКОВ СПЕЦОПЕРАЦИИ К ЖИЗНИ В ЕЕ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Стратегии адаптации к таким травмирующим событиям, как военные конфликты, во многом определяются оценками этих событий. Цель этой статьи — описать сходства и различия адаптационных стратегий сторонников и противников специальной военной операции (СВО) на Украине. Для ее достижения авторами в апреле 2022 г. были проведены 4 фокус-группы по 6 участников из Самарской области, рекрутированных по полу и возрасту. Установлено, что адаптационные стратегии сторонников и противников СВО имеют ряд сходств и различий. Как сторонники, так и противники приспособливают повседневные бытовые практики к изменившимся условиям жизни. И те и другие с осторожностью смотрят в будущее, стараются отвлекаться от переживаний с помощью работы и досуга, избегают обсуждений украинской тематики для предотвращения конфликтов. В то же время сторонники СВО легче восприняли связанные с ней трудности, поскольку для них они имеют преимущественно экономический характер, тогда как противники помимо экономических столкнулись с психологическими проблемами из-за несогласия с решением ввести войска на Украину. Показано, что адаптационная стратегия сторонников состоит в том, чтобы заниматься решением собственных повседневных проблем, веря в лучшее и доверяя официальной точке зрения, абстрагируясь от политических проблем и оставляя решение их власть имущим. Главной адаптационной стратегией противников СВО становится избегание — политических новостей, темы СВО в разговорах, поддерживающих ее людей. Они не чувствуют в себе сил изменить ситу-

ацию, поэтому так же, как и сторонники спецоперации, стараются углубиться в решение собственных повседневных проблем, но делают это не с надеждой на лучшее будущее и верой в возможности своего государства, а с пессимистичным неприятием ситуации, отсутствием привлекательных образов будущего, осознанием несправедливости сложившейся ситуации и чувством несогласия с ней.

Ключевые слова: Украина; специальная военная операция; адаптация; фокус-группа; политический конфликт.

Для цитирования: Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области) // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 8–35. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.1 EDN: DJLKYS

Введение

Чрезвычайные политические события, вторгающиеся в повседневность обычных людей, вынуждают адаптироваться к ним. При этом стратегии адаптации во многом определяются политическими взглядами человека и его оценками происходящих событий. Социальная реальность конструируется людьми в их взаимоотношениях с окружением (со «значимыми другими» и «хором» в микросоциологической терминологии) и под влиянием доминирующих в коллективных представлениях нарративов. Наше понимание стратегий адаптации базируется на исследованиях И.П. Поповой, Н.Н. Седовой и Л.Ф. Каримовой [5; 6]. Под успешной адаптационной стратегией мы понимаем «поведение социальных субъектов, обусловленное ценностно-мотивационными установками, имеющимися ресурсами и направленное на приспособление к изменяющимся социальным условиям» [5, с. 134]. Военные действия, безусловно, относятся к сильнейшим факторам изменения социальных условий. Поэтому адаптация к условиям рассматриваемой нами специальной военной операции (СВО) на Украине — это такая поведенческая модель, которая позволяет человеку продолжать выполнять социальные функции в условиях военного времени и пережить его с минимальными финансовыми и психологическими потерями. Уровнем адаптивности становится показатель того, насколько человеку удастся сохранять социальные функции и психологическое благополучие в условиях чрезвычайных внешних обстоятельств.

Специфику повседневной реальности и ее конструирования в контексте социализации проанализировали П. Бергер и Т. Лукман в своем самом известном труде: «Реальность повседневной жизни представляется мне как интересубъективный мир, который я разделяю с другими людьми. Именно благодаря интересубъективности повседневная жизнь резко отличается от других осознаваемых мной реальностей. <...> Действительно, в повседневной жизни я не могу существовать без постоянного взаимодействия и общения с другими людьми. Я знаю, что

моя естественная установка по отношению к этому миру соответствует естественной установке других людей, что они тоже понимают объективации, с помощью которых этот мир упорядочен, и, в свою очередь, также организует этот мир вокруг “здесь-и-сейчас”, их бытия, и имеют свои проекты действий в нем» [1, с. 43]. В ряде исследований правовед Дэна Кахана и его коллег показано, что политические убеждения оказывают сильное влияние на способность людей воспринимать факты объективной реальности и адаптироваться к ним [7–11]. Стивен Пинкер приводит обзор ряда других исследований влияния политических убеждений на восприятие фактов: ученые сравнивали ответы либералов и консерваторов на простые вопросы, бросающие вызов их убеждениям, и пришли к выводу, что и те и другие дают в равной степени ошибочные ответы, когда признание истины угрожает устойчивости аксиоматики политической доктрины, к которой относятся испытуемые. В результате американские леволлибералы считали, что «компания с самой большой долей на рынке — это монополия», тогда как консерваторы и либертарианцы не соглашались с утверждением, что «один доллар значит для бедняка больше, чем для богатого человека». Такие элементарные ошибки политически ангажированных испытуемых Кахан объясняет групповым конструированием политических идентичностей, приводящим к «трагедии интеллектуальных общин», когда «точка зрения, которой разумно придерживаться каждому по отдельности (с позиции репутации), отличается от точки зрения, на основе которой разумно действовать обществу в целом (с позиции реальности)» [4, с. 419]. Поэтому особо актуальным представляется социологический анализ влияния политической позиции на конструирование стратегий адаптации к чрезвычайной политической ситуации, в которую наша страна попала в 2022 г. Странники и противники спецоперации на Украине с помощью разных политических нарративов конструируют разные intersубъективные миры, определяющие их адаптационные стратегии. Данная статья посвящена исследованию сходств и различий между адаптационными стратегиями сторонников и противников специальной военной операции к жизни в новой экономической и политической реальности.

Методология исследования

Объект исследования: жители Самарской области, поддерживающие и не поддерживающие СВО.

Предмет исследования: адаптационные стратегии сторонников и противников СВО.

Цель исследования: описать сходства и различия адаптационных стратегий сторонников и противников СВО.

Задачи исследования:

- 1) выявить сходства и различия в описании сторонниками и противниками СВО жизни в военное время;
- 2) проанализировать стратегии приспособления сторонников и противников СВО к жизни в военное время;
- 3) исследовать восприятие сторонников и противников СВО их политическими оппонентами.

Метод исследования: фокус-групповые интервью. Проведены 4 фокус-группы по 6 участников, участники подобраны по полу и возрасту. Во всех группах соотношение мужчин и женщин 50/50. Все участники групп имеют средние доходы и проживают на территории Самарской области. Каждая группа представляет свою возрастную категорию: 1-я группа (18–22 года), 2-я группа (23–35 лет), 3-я группа (36–45 лет), 4-я группа (46–60 лет). Место проведения групп: Фонд социальных исследований (Самара). Модератор: доктор социологических наук, профессор В.Б. Звоновский. Время проведения групп: начальный этап спецоперации, апрель 2022 г. Рекрут информантов осуществлялся через социальные сети методом «снежного кома». От участников требовалось соответствовать половозрастному составу групп и обладать средними доходами (то есть всем им, как минимум, хватает на покупку одежды и обуви, но никто не мог бы на момент опроса купить новую машину, не откладывая на нее денег). Вопрос о принадлежности к сторонникам или противникам СВО на этапе рекрута не задавался, но обозначалась тема обсуждения. Деление респондентов на сторонников и противников СВО осуществлено на основании их ответов на соответствующий вопрос уже в ходе проведения групп. Выбор метода фокус-групповых интервью обоснован сочетанием двух задач: получить подробное описание адаптационных стратегий к жизни в воюющей стране; описать различные нарративы жизни в условиях СВО в диалоге ее сторонников и противников.

Описание жизни в военное время сторонниками и противниками СВО

Экономическая ситуация. Как сторонники, так и противники спецоперации восприняли ее начало и связанные с ним проблемы как чрезвычайную ситуацию. Участники групп отмечают негативные изменения в своих повседневных практиках. В первую очередь люди жаловались на экономические трудности, которые стали для них большим потрясением. Рост цен и дефицит товаров в начале СВО назывались респондентами основными спутниками новой повседневности. «Цены выросли сразу, скачок доллара»¹ (Ж., 52 года). Однако участники групп паники не испытали. Были, скорее, тревога, неуверенность в завтрашнем дне, снижение уровня жизни: «Жить стало дороже оцутимо, и стало трево-

¹ Цитаты из фокус-групп приводятся с сохранением языка респондентов. — Прим. ред.

жнее» (Ж., 46 лет). Но ощущения, что привычный уклад жизни рухнул, что люди перешли на другой уровень повседневности, у респондентов не появилось. Общее ощущение таково: плохо, но терпимо; стало хуже, но привычный уклад жизни не рухнул. Есть тревога, но паники нет. Негативные изменения примерно в одинаковой степени повлияли на уровень жизни респондентов разного возраста. Информанты независимо от политической позиции столкнулись также с усложнением трудовой деятельности и, как следствие, с падением доходов и уровня жизни: *«Покупательская способность людей просто на нет упала»* (М., 58 лет); *«Мы стали в 2 раза беднее за этот месяц <...> жизнь теряет свои краски»* (М., 58 лет); *«Рынок недвижимости встал, в целом осознание, что жизнь стала страшнее»* (М., 48 лет). Ухудшение ситуации также отмечается и сторонниками и противниками СВО во всех сегментах потребления: от цен на продукты питания и обеспечения жизненно необходимыми лекарствами до невозможности поездок за границу: *«На питание траты возросли»* (М., 29 лет); *«Запас лекарств начал исчезать с прилавков, но он жизненно важен»* (Ж., 52 года); *«Раньше летали за границу отдохнуть, а сейчас места для отдыха ограничены»* (М., 58 лет).

При этом отношение к уходу международных брендов неоднозначное и зависит от степени неудобства и повышения стоимости необходимых товаров, с которым придется столкнуться из-за потери данного бренда: об уходе сети магазинов «ИКЕА» участники групп жалеют, а уход «Макдоналдса» не составил для них проблемы, поскольку поход в «Макдоналдс» воспринимается скорее не как необходимость, а как вредная привычка. *«Вот “ИКЕА” жалко, а “Макдоналдс” — ну и ладно»* (М., 45 лет). *«Н&М жалко — там хорошие такие вещи, качественные были»* (Ж., 41 год). Самые молодые респонденты легче всех пережили и связанный с военными действиями кризис, и сопутствующие ему проблемы, в том числе в виде потери брендов. Одна из участниц самой младшей группы нашла для себя выгоду от потери брендов: *«Несколько ограничения повлияли, но я думаю, в лучшую сторону. Пересматриваешь приоритеты. Допустим, блокировка “Инстаграм” — я пересмотрела, что, действительно, я слишком много времени трачу на социальные сети, удалилась из “Инстаграма”, удалилась из “Тик-тока”, стала читать книги, стала больше времени с друзьями проводить, стала меньше денег тратить на одежду, перестала есть фастфуд. Мне кажется, для меня это скорее плюсы. Не в том, что происходит, а в том, как ограничения на меня влияют»* (Ж., 18 лет).

Психологические трудности. Между сторонниками и противниками ввода войск на Украину имеются существенные различия. Сторонники акцентируют внимание на экономических проблемах и личных трудностях, привнесенных в жизнь спецоперацией. *«В плане поездок только пришлось отложить, перенести»* (Ж., 31 год). Для них первоочередными стали изменения в их собственной жизни, а не нрав-

ственное восприятие случившихся военных действий: *«Изменились только цены»* (Ж., 41 год); *«Пошли в храм, я понимаю, что везде цены растут, да. Но почему они растут в храме? Мне это не понятно совсем»* (Ж., 43 года); *«Помимо цен, пока еще не ощутил никаких изменений, только на кошелек пока давит»* (М., 36 лет).

В то же время противники СВО в большей степени восприняли события не только как источник экономических трудностей, но и как что-то плохое, неправильное, как какую-то пришедшую беду. Они не готовы протестовать против военных действий, но переживают психологический дискомфорт из-за сопутствующих им бедствий и своего бессилия изменить ситуацию. *«Внутри, вот, что-то какое-то вот...»* (Ж., 52 года). Невозможность повлиять на ситуацию порождает фатализм и желание абстрагироваться от тревожных мыслей. *«У меня точкой расслабления стал такой момент, когда я отказалась от чтения СМИ. Я дала себе установку не смотреть, что сейчас происходит, потому что повлиять на это как-то кардинально я все равно не смогу»* (Ж., 26 лет). Среди противников СВО получил распространение депрессивный взгляд на мир. Лично не столкнувшись с чем-то ужасным, они ощущают общий негатив ситуации, общую нервозность, напряженность и разрушение чего-то важного. Они стали испытывать больше негативных эмоций, связанных с неопределенностью, стрессом и изоляцией. Они не уверены в завтрашнем дне и боятся будущего. *«Меня, вообще, раздавило просто. <...> Мы всегда не были агрессорами, как сейчас нас называют. Ощущение такое, что что-то я не знаю, видимо, что-то мы все не знаем, какие-то, возможно, были поводы туда влезть, но ощущение, вот реально вот, что не будет, как раньше. Ощущение такое, что весь мир смотрит на тебя, то, что ты живешь на этой территории, типа русский, это уже как приговор, то есть я начал ощущать к себе такую вот обезличенную черноту, какой-то негатив. <...> Поначалу, было, я не мог себя с кровати оторвать»* (М., 45 лет). Кроме тех объективных экономических трудностей, с которыми противники СВО столкнулись, у них появилось ощущение, что случилось страшное событие исторического масштаба. У сторонников военных действий таких трудностей не возникло. Один из противников назвал 24 февраля страшной датой и провел аналогию с 22 июня 1941 г.: *«Мое ощущение именно, что ситуация изменилась в принципе. <...> Всю жизнь мы были, 22 июня — это для нас был страшный день. И здесь для меня страшно. Причем сложно было осознать, и по сравнению с этим осознанием жизнь изменилась. Да, цены, они всегда росли. Но люди, я смотрю на людей: как будто я в новой жизни, а они — в прошлой»* (М., 48 лет). В целом сторонники вторжения на Украину оказались более адаптированными к его последствиям и экономически, и психологически: если сторонникам приходится бороться исключительно с экономическими проблемами, то противники вынуждены делать это на фоне психологического дискомфорта

от несогласия с действиями Российской армии на Украине. Влияние возраста и пола на адаптационные стратегии минимально. Разница лишь в том, что молодые мужчины больше надеются на возможности дополнительного заработка в случае трудностей, в то время как все остальные чаще рассчитывают на финансовые запасы, подсобные хозяйства и продажу вещей в крайнем случае. Несмотря на множество возникших проблем в повседневных практиках и организации быта, мечты противников вторжения на Украину сосредоточились не только на преодолении бытовых неурядиц, но и на восстановлении мирной жизни и имиджа России и ее граждан в мире. *«Чтобы перестали гибнуть люди, открылись границы и возвращались люди. Работать, образовывать людей, чтобы не снизилась планка великой державы. Чтобы все знали, что в России живут умные и образованные люди»* (Ж., 52 года). Среди сторонников, напротив, преобладают эгоистические мотивы: они мечтают в первую очередь о восстановлении собственного уровня жизни до показателей 2019 г.: *«Я мечтаю, чтобы все было как в 2019 г., чтобы не было вот этих проблем, когда не знаешь, куда можно поехать, чтобы не было QR-кода, ПЦР-теста <...> чтобы накопил — поехал <...> не хватает свободы передвижения»* (Ж., 30 лет).

Страхи и опасения. Хотя люди отмечают общее тревожное состояние, но паники или иных острых переживаний сейчас уже нет. Можно сказать, что на момент проведения исследования люди адаптировались, но на новом — менее приятном и более тревожном — уровне. То есть новые условия не выбросили информантов из привычного ритма и практик жизни, но вынуждают их совершать привычные действия с большей тревожностью и неуверенностью в завтрашнем дне, откладывать планы на неопределенный срок, сужать круг интересов проблемами своей семьи. *«Ощущение какой-то обкладывающей тебя тревожности»* (М., 45 лет); *«Вначале были шок и тоже тревога какая-то, даже страх какой-то был. <...> Понимаешь, что вокруг тебя что-то меняется, поэтому живешь, как обычно живешь»* (Ж., 44 года). Если противники СВО переживают за имидж России и ухудшение отношений с другими странами, то среди сторонников сильно выражена тревога, что боевые действия могут перейти на российскую территорию: *«А вдруг сейчас тут будет?!»* (Ж., 43 года). Как сторонники, так и противники спецоперации переживают из-за ухудшения отношения к россиянам и в социальных сетях, и со стороны живущих за границей знакомых. При этом некоторые противники СВО чувствуют определенную ответственность за такие изменения. *«У многих знакомые, друзья, родственники есть оттуда, и, естественно, чувствуешь себя какой-то белой вороной сейчас, потому что ты здесь, и так вышло. Много ссор, скандалов...»* (М., 37 лет). Сторонники же, отмечая ухудшение отношения к России и россиянам, называют это неадекватным поведением и считают такое ухудшение отношений инспирированным

западными СМИ. *«При чем тут вообще простой народ?! Обращайтесь, там, к Путину. Это вообще политика. Зачем вот это давление?»* (Ж., 41 год). По мнению некоторых, плохо относятся к России только политики и обманутые ими люди, в то время как большинство европейцев, например, относились и будут относиться к россиянам нормально.

В отличие от сторонников СВО, ее противники опасаются потери прав и свобод человека. Потеря свободы слова, возможностей общаться с родственниками за границей, путешествовать и ухудшение отношений с другими странами — ключевые опасения нынешнего времени, с точки зрения противников СВО. Они больше всего боятся трудностей для бизнеса, лишиться свободы слова и дохода. *«Мои коллеги-адвокаты — они реально говорят, что это [преследование за высказывания в соцсетях] происходит реально, вплоть до уголовной и административной ответственности»* (М., 48 лет). *«В кулуарах Думы промелькнуло, что нужно запретить предпринимательство. Вот этого лично я боюсь»* (М., 58 лет). Сторонники СВО нарушений свободы слова не заметили. Они боятся потерять доход, работу, привычный комфорт жизни и возможность путешествовать.

Планы на будущее. Наличие планов на будущее влияет на адаптивность человека постольку, поскольку это побуждает его тратить ресурсы на долгосрочные проекты, делающие более выгодным и устойчивым его социальное положение (например, образование, покупка недвижимости, рождение детей и т. п.). Сторонников и противников СВО объединяют признание невозможности долгосрочного планирования в условиях военных действий и перенос планов на краткосрочную перспективу и на уровень собственной повседневности. *«Планы только сиюминутные, сейчас невозможно строить планы дальше»* (М., 48 лет); *«Что-то планировать на долгосрок сейчас невозможно. <...> Мы думаем, как выжить в данной ситуации. <...> Какой-то режим сохранения того, что осталось»* (Ж., 46 лет). Респонденты в целом затрудняются строить планы ввиду быстро меняющейся обстановки: их планы в большей степени напоминают пожелания на будущее или разговоры о повседневности. *«Мои планы — работать, образовывать детей»* (Ж., 52 года).

Эмиграционные настроения проскальзывали только у противников СВО, но они больше на уровне мечты, чем на уровне планов. *«Мечты — продать все и свалить отсюда, а планы — чтобы семья не заметила всего этого ужаса, чтобы меньше на семью отразилось»* (М., 58 лет).

Конфликты из-за разных оценок СВО. Разница в оценках СВО довольно остро разделяет людей. Однако говорить о «ментальной гражданской войне», по А.Г. Асмолову, на примере наших информантов пока не приходится. При этом политические дискуссии, доселе не характерные для аполитичного в целом российского общества,

сейчас стали частью повседневной жизни для многих людей. *«Я с тестем, например, он старый коммунист, старый советчик. У него, естественно, если бы не мы, то завтра бы НАТО на нас напало. И мы с ним вообще просто перестали общаться, потому что все равно в разговоре где-то начинает что-то проскальзывать, я просто сажусь в машину и уезжаю. Я больше туда не поеду, пока вся эта канитель не закончится»* (М., 52 года). Отсутствие навыков ведения диалога на острые политические темы и мирного разрешения спорных ситуаций приводит к множеству конфликтов и замалчиванию темы ситуации на Украине как стратегии сохранения отношений с близкими и своего собственного психологического равновесия. *«Я неожиданно узнал, что сестра стала поклонницей “Первого канала”. <...> Я, конечно, с ней не прекратил общение, но я сказал: “Давай мы больше не будем эту тему поднимать”. <...> И маленько отношение с ней, не сказать, что я негатив к ней испытываю, но маленько... Ну а про... Допустим, друзья “ВКонтакте” были — Z у них какие-то появились, какие-то непонятные комментарии выскакивают в ленте — тоже отправились из друзей подальше. А так, чтобы с кем-то ругался, что-то доказывал — такого нет»* (М., 37 лет). Это характерно как для сторонников, так и для противников спецоперации.

Прогнозы дальнейшего развития ситуации. Прогнозы дальнейшего развития событий сильно различаются у сторонников и противников СВО. Если сторонники дают умеренно оптимистичные прогнозы на будущее, то противникам будущее кажется исключительно неблагоприятным. Противники предлагают два возможных сценария будущего: оптимистичный и пессимистичный. Однако их уместно назвать умеренно плохим и очень плохим сценариями. Умеренно плохой сценарий предполагает стабилизацию ситуации на сегодняшнем уровне или ее незначительное ухудшение. *«Самый оптимистичный — это то, что мы имеем сейчас»* (М., 52 года). Повторение ситуации времен распада СССР или 1990-х годов тоже воспринимается людьми как оптимистичный вариант выхода из кризиса. *«Два варианта: пессимистичный и оптимистичный. Пессимистичный — Северная Корея со всеми вытекающими. <...> Вариант получше — что восстановится промышленность, воскреснут заводы, что-то импортозаместится <...> Уровень жизни все равно упадет здорово»* (Ж., 46 лет). В пессимистичном варианте, по мнению респондентов, Россия может пойти по пути Северной Кореи или сталинского СССР. *«Тот же два варианта. Это даже не Корея, это сталинские 30-е годы. <...> Либо, если все будет хорошо, то это как 90-е годы после развала СССР»* (М., 48 лет). Сторонники СВО с ними не согласны. Они считают, что Россия преодолет трудности и выйдет на докризисный уровень. Некоторые прогнозируют присоединение Украины или отдельных ее территорий к России. *«Украина будет нашей, и все! Как мы строим Крым, мы поднимаем Крым, точно так же мы будем поднимать Украину»* (Ж., 43 года); *«Мне кажется, автономная*

Украина будет под влиянием России. Поставим своего президента, грубо говоря» (М., 29 лет); «ЛНР, ДНР перейдут в Россию, наверное. Возможно, Украину поделят потом, или она как отдельное государство останется» (М., 33 года). Надежды на улучшение противники СВО связывают с развитием предпринимательства, промышленности и сменой власти в России: «Если будут какие-то свободы предпринимательские, нам будут, мы будем не с нуля начинать, а с каких-то минусов. Но хотя бы будет какое-то настроение на взлет, что-то открываться будет» (М., 48 лет); «Если 3-4 года и мой оптимизм — то это только, вот, что произойдет смена власти» (Ж., 52 года).

Независимо от принятия или непринятия СВО респонденты сходятся в прогнозах, что отношение к россиянам в Европе будет ухудшаться. *«Сложные будут отношения, потому что Европа, мне кажется, со своими принципами» (М., 37 лет). Надежду на улучшение отношений они связывают с тем, что экономическая выгода перевесит политическую неприязнь. «Везде, где есть люди с деловой жилкой, где есть бизнес, всегда отношения будут на втором плане, а бизнес на первом. Не важно, кто ты и откуда ты» (М., 36 лет).*

Объяснение сторонниками и противниками СВО своей политической позиции. Обоснования позиций сторонников и противников СВО довольно сильно различаются. Противники говорят о недостаточности оснований для военной интервенции и полагают, что решить конфликтную ситуацию можно было за столом переговоров. *«Если возник конфликт, [нужно] решить его по-другому, если не получилось по-другому, то почему нам это не показали? Почему нам не предоставили возможность выбора?» (Ж., 26 лет). В то же время все сторонники объясняют свою позицию тем, что, если бы не ввели войска на Украину, на Россию бы напали страны НАТО. «Мы напали, да, но это была вынужденная мера, а иначе сейчас эта война была бы у нас» (Ж., 30 лет); «Никому не хочется, чтобы нападали на них, лучше быть первыми» (Ж., 43 года); «Мера это вынужденная, нас вынудили так сделать, все условия создали» (М., 29 лет). Тем самым сторонники СВО придерживаются властного геополитического нарратива, транслируемого СМИ, отказывая при этом Украине в возможности самостоятельного существования, в политической субъектности, смотря на нее как на непослушного «младшего брата» [3]. «Украина — она же такая слабая, бесхарактерная, они актера наняли в президенты... Они ждут какой-то поддержки, их все кидают, Украина либо будет в России, либо, мне кажется, вообще пропадет» (Ж., 30 лет). Если противников СВО пугает перспектива возврата к условиям жизни бывшего СССР, то некоторые сторонники спецоперации говорят о такой перспективе в позитивном ключе. «Мне кажется, будем все вместе — был же Советский Союз!» (Ж., 41 год). И позволяют себе одобрительно повторять шутки о присоединении территорий других стран, вроде «стоит немного подождать,*

и Вашингтон будет нашим» (Ж., 31 год). При этом они считают, что украинцы плохо относятся к русским, потому что после распада СССР всегда так было, и считают приемлемым аргументом для обоснования этого тезиса ссылки на художественные фильмы российского производства. *«Как относились украинцы последние 30 лет плохо к России, так и будут относиться. <...> Ну, даже если фильмы старые посмотреть, тот же “Брат-2”, когда там он приезжает в американское посольство, видит там брата и подходит к нему, говорит “помоги”, тот к нему поворачивается и говорит: “Москаль мне не брат”. Ну, как бы...»* (Ж., 31 год). Причину такого отношения они не связывают с ведущимися Российской армией на территории Украины боевыми действиями, а видят ее в деструктивном внешнем влиянии. *«Их [украинцев] же сейчас настроили против России!»* (Ж., 41 год). Влияние геополитического нарратива в дискурсе сторонников СВО проявляется в стигматизации украинцев советскими речевыми штампами, отсылающими к культурной травме Великой Отечественной войны. Л.Д. Гудков отмечал: «Обращаясь к языку Великой Отечественной войны (речевые штампы: “массовые расстрелы”, украинские “фашисты”, “киевские каратели”, геноцид и тому подобное в новостных передачах), пропаганда делала невозможной идентификацию российского обывателя с “нелюдьми” (фашисты — не люди), разрушала саму возможность предпонимания, а значит, формировала априорную враждебную установку, блокирующую дальнейшую коммуникацию» [2, с. 229]. Так, «борьба с нацизмом» и «бандеровцами» на Украине является важной составляющей оправдывающего военную операцию нарратива, транслируемого ее сторонниками. *«Мое мнение, что нужно их истребить, этих бандеровцев, потому что они там вообще без башки»* (Ж., 30 лет). В то же время стоит отметить, что слово «война» для описания СВО используют и ее сторонники, и ее противники.

Стратегии адаптации к новой реальности

Внезапное появление многочисленных проблем у людей вынуждает их искать пути выхода из сложившейся ситуации. Дадим описание выявленных нами стратегий адаптации к связанному с СВО кризису.

Поиск стратегий адаптации в прошлых кризисах. В трудных и неизвестных ситуациях люди склонны искать аналогии в своем жизненном опыте или в исторических событиях: даже аналогии с тяжелым опытом прошлого снижают страх неизвестности и дают людям ресурсы для поиска путей выхода из трудной ситуации. Специфика нынешнего кризиса в том, что люди не находят ему аналогии ни в своем опыте, ни в истории. Ни распад СССР, ни кризис 1990-х годов не представляются информантам аналогичными сегодняшним событиям главным образом ввиду международной изоляции России. В этом позиции сторонников и противников СВО сходятся. Различия начинаются в оценках

кризисности нынешней ситуации. Сторонники, отмечая новизну нынешнего кризиса, не считают, что он приведет к каким-то особо тяжелым последствиям, полагая, что это будут хотя и новые, но вполне преодолимые трудности наподобие тех, что были во время пандемии. *«Как ездили мы туда, в ту же Европу, так и будем ездить»* (Ж., 43 года). Они рассчитывают на успехи импортозамещения и вынужденность западных стран покупать российские ресурсы. *«Мы продаем за границу во все страны ресурсы многие»* (Ж., 41 год). Противники СВО главной особенностью нынешнего кризиса считают отсутствие перспектив улучшения ситуации и наличие множества вариантов ее ухудшения. В кризисах прошлого у людей было ощущение, что сейчас плохо, но потом будет лучше. В настоящее время у противников СВО такого ощущения нет — от будущего они ждут еще худшего. *«Такого не было, что все грустят от безысходности. Даже когда были пустые полки, люди все равно были в какой-то активной позиции, они понимали, что завтра будет все по-другому, и жили радостно»* (Ж., 52 года). Хотя нынешние события и вызывают у противников СВО сравнение с переломными моментами прошлого, но отличительными чертами сегодняшнего положения они считают сильную международную изоляцию и туманность перспектив для нашей страны. *«Я помню 90-е годы, но тогда нам весь мир помогал. <...> А сейчас нам всё отрубает, обрубают, грустно...»* (М., 52 года); *«Был дефицит, да, когда-то в 90-е годы там, — он прошел. Были события: путч и т. д., но это было, грубо говоря, в течение месяца, а это такое ощущение, что затяжной прыжок»* (М., 45 лет). Однако, несмотря на то что респонденты в целом не считают нынешний кризис аналогичным кризисам прошлых лет, перспективы возвращения к практикам выживания прошлых лет участниками проговариваются независимо от политической позиции. *«Мы, я думаю, готовы, ну, полгода-год протянуть, но не за счет сбережений. Потому что у меня есть, мы с товарищем 2 года назад замутили птицеводство. Вот у меня сейчас есть 200 курочек. Тоже несут какие-то яйца. Грубо говоря, по курочке в день сколько-то мы протянем»* (М., 52 года). Происходит примитивизация планов приспособления к новым экономическим условиям: надежда на собственный интеллектуальный или финансовый капитал заменяется расчетом на личные подсобные хозяйства, которые дадут возможность выжить при наименее благоприятном сценарии. *«Есть какое-то подсобное хозяйство, натуральный, скажем, труд. И потом, земля прокормит»* (Ж., 52 года).

Прогнозирование будущего. Рассуждая о возможностях выхода из кризиса, противники СВО, исходя из фактов, прогнозируют его длительность и трудность преодоления. Они не надеются на скорый конец военного конфликта и ослабление санкций, предсказывают экономическую стабилизацию на более низком уровне и испорченные на долгие годы отношения как с Украиной, так и со странами Запада.

«Я думаю, мы будем в таком, полупризнанном, состоянии находиться. Железный занавес упал, и он останется. <...> Общий уровень жизни, мне кажется, упадет» (М., 45 лет); *«Надеюсь, что послабления какие-то будут. <...> Конечно, жить будем хуже, инфляция сейчас будет гипер, цены поползут вверх»* (М., 37 лет). Сторонники же, напротив, прогнозируют улучшение ситуации. Эти прогнозы больше похожи на мечты. Респонденты затрудняются назвать реальные факторы и предпосылки улучшения, надеются на Путина и выражают ему поддержку. *«Я думаю, что наш президент Владимир Владимирович делает все правильно, я за него голосовал, и я чувствую себя в России в полной уверенности. Я знаю, что все у нас будет хорошо»* (М., 29 лет). Они рассчитывают на помощь Китая, уповают на творческий потенциал русского народа, прогнозируют возвращение советских технологий и избавление от рамок импорта. *«Китай — наш друг, поэтому не страшно»* (Ж., 31 год); *«Турция тоже наш друг, они поделится с нами самолетами»* (Ж., 30 лет). Сторонники военных действий оптимистично смотрят в будущее, прогнозируя победу России, успехи импортозамещения и вхождение Украины в состав России. Они полагают, что без России западные страны не обойдутся, и прогнозируют их вынужденный возврат на российский рынок. *«Мне кажется, лучше, чем русский сорит деньгами во время отпуска, никто так не делает. Ну, как вот они без всего этого?»* (Ж., 43 года). В то же время они склонны игнорировать или преуменьшать перспективы негативного влияния объективных проблем, таких как международная изоляция России, неразвитость производства и отсутствие технологий. *«Будем переходить на другие бренды, которые не попали под санкции»* (Ж., 41 год); *«Они хотят задушить нас вот этими санкциями, но не в СССР же живем, я не представляю себе, у нас на все есть замещение, да, пока не такое крутое, как хотелось, но в любом случае дорастем мы и до этого»* (Ж., 30 лет). Сторонники СВО надеются на счастливый случай в виде технологического прорыва или помощи от других стран, главным образом от Китая. *«Мы только сегодня за юани китайцам продали и нефть, и газ»* (Ж., 43 года). Они верят, что отсутствие альтернатив в виде импортных товаров заставит российских олигархов вкладывать деньги в развитие собственной страны, а не выводить их за рубеж. Они полагают, что россияне не развивали производство и не реализовывали потенциал страны по причине отсутствия потребности в этом. По мнению сторонников СВО, теперь внешние условия заставят наше государство исправить эти ошибки прошлых лет. *«Нас сейчас в рамки поставили. Если мы эти рамки не раздвинем, то... будем пользоваться серой бумагой»* (Ж., 43 года). При этом надежды сторонников СВО окрашены этатизмом: в планах развития производства и импортозамещения они в первую очередь рассчитывают на государство и даже высказываются в пользу национализации собственности. *«Ну, а куда нам деваться? Госпрограммы будут какие-то...*

*В Советском Союзе у нас все, от гайки до винтика — все производилось у нас. Возобновим, наверно, старые технологии. Все, что было разво-
ровано, потеряно, будем как-то развивать, двигаться вперед. Все, что
в частных руках, национализируем»* (М., 29 лет). Выражена надежда на
то, что умные люди в государстве что-то придумают, и что у России
большие производственные ресурсы, которые уже задействованы.
*«Надеюсь, мы к этому придем, что мы не будем зависеть от доллара. <...>
У нас есть свои производства, в принципе, всего, нам санкции, что вводят,
они на нас не действуют никак. Ну, подорожало все, ну, новая реальность
такая»* (Ж., 30 лет). Сколько-нибудь четких стратегий выхода из кри-
зиса участникам групп предложить не удалось. *«Будет развиваться
собственное производство, продукты»* (Ж., 41 год).

Сужение горизонта планирования. Нынешний кризис изме-
нил имевшиеся у респондентов планы, но не кардинально. От ка-
ких-то намерений пришлось отказаться, но это не сильно ухудшило
жизнь участников групп: кто-то не поедет в отпуск, кому-то придется
потратить больше денег на ремонт, кто-то вынужден отказаться от
покупки новой машины. *«У меня был план на чемпионат мира по фут-
болу. Естественно, теперь всё...»* (М., 45 лет); *«Мы сделали ремонт, не
успели купить технику. И нам пришлось технику покупать через “Авито”,
то есть б/у, а не новую, потому что новую мы никак уже не осилили»* (Ж.,
44 года); *«Если в прошлом году были планы какие-то в Крым поехать,
то можно реально было поехать туда на машине... а сейчас — нет»* (Ж.,
43 года); *«Собирались с женой в заграничный отпуск, теперь уже нет»*
(М., 36 лет). То, какие свои планы люди разных возрастов и с разным
отношением к военным действиям считают разрушенными, не явля-
ется их отличительным признаком, так как все указывают на одно и то
же. Таким образом, хотя говорить о дезадаптации информантов осно-
ваний нет, разрушение образов будущего и собственного положения
в нем, безусловно, имеет место.

Уход в повседневную деятельность и стремление избегать военных новостей. Преодоление страхов и тревожности имеет большое зна-
чение для адаптации к трудным условиям в целом. Поиск спасения
в активной деятельности и общении с другими людьми стал одной из
стратегий психологической защиты как для сторонников, так и для
противников СВО. Однако сторонники пользуются этим способом
более успешно. Повышение рабочей нагрузки и более активное по-
требление развлекательного контента также позволяют информантам
отвлечься от негативных новостей. *«Работаю больше, усерднее»* (М.,
36 лет); *«Смотрю видео на “Ютубе” отвлеченные: про технику, про
футбол»* (М., 37 лет). Некоторые вовсе стараются отгородиться от
информационного потока о военных событиях. *«Я вообще перестала
в соцсети заходить. Если у меня раньше был “Инстаграм”, “ВКонтакте”,
сейчас я не захожу в соцсети, чтобы не видеть...»* (Ж., 44 года). При этом

и здесь сторонники СВО находятся в более выигрышном положении, поскольку могут позволить себе отвлекаться сериалами, фильмами. *«Я смотрю сериальчики сейчас чаще»* (Ж., 41 год). В то же время некоторые противники говорят, что не могут потреблять развлекательный контент, поскольку считают это неприемлемым в сложившейся бедственной ситуации. Одна противница СВО даже обращалась к психологу из-за своих переживаний по поводу военных действий. *«В точку ника, когда было особо остро, мне помог психолог»* (Ж., 26 лет).

Отказ обсуждать СВО в своем окружении как способ избежать конфликтов. Избегание обсуждения политических тем стало стратегией предупреждения конфликтов на политической почве. *«Избегаем вообще этих тем»* (М., 48 лет); *«С близкими вообще мы эти темы не обсуждаем. У меня муж смотрит телевизор, я — компьютер. <...> А что касается знакомых — они в каком-то вакууме. Я вижу: люди живут, у них какие-то узкие интересы, и они их оберегают, что нужно решать, там, ипотека, что-то еще, там, образование, и вот такой страх всеобщей мобилизации»* (Ж., 52 года); *«Мы как-то не обсуждаем эти темы»* (Ж., 44 года); *«Нет, дома нет [не обсуждаем] даже, вот, с пожилой мамой»* (Ж., 43 года); *«Я стараюсь как бы сторониться. Я не вступаю с ними ни в спор, ничего. Я просто не высказываю свою позицию»* (М., 45 лет). На группах обсуждения также проходили довольно спокойно, несмотря на острые противоречия в оценках СВО. Горячих дискуссий на группах не планировалось, если бы они возникли, то были бы прерваны модератором. Однако ни на одной из групп они не возникли. По-видимому, информанты в большей степени ценят собственное спокойствие и ровные отношения с другими людьми, чем стремятся отстоять и распространить свою точку зрения.

Табуирование темы СВО в разговорах с близкими довольно сильно распространено, но тема все равно проскальзывает, полностью от нее избавиться не получается. Респонденты выражают обеспокоенность войной между различными медиаисточниками, которая развернулась на фоне боевых действий на Украине. *«Сейчас войны идут три: там — с кровью и жертвами, вторая — экономическая и медиавойна. На мой взгляд, медиавойна — самая страшная»* (Ж., 44 года). Противники СВО ощущают на себе большее давление и боятся открыто высказать мнение против спецоперации из-за неодобрения со стороны окружения и опасения, что начальству донесут об их позиции, и они потеряют работу. Многие из них переживают из-за потери свободы слова, которую остро чувствуют на фоне нового репрессивного законодательства. *«Очень много людей, которые против всего этого, но по тем или иным причинам боятся озвучить свою позицию. <...> У нас, говорят, в коллективе такая обстановка, что я не могу сказать иначе: на меня стуканут и в течение недели я на выход пошел»* (М., 52 года). Озвучивались также факты принуждения к сдаче денег в поддержку российских войск.

«Общаясь, например, с заводчанами... Ни для кого же не секрет, что всех попросили по суточной зарплате отдать в фонд поддержки там. И все молча... Я говорю: “А ты мог отказаться?” — “Ну, тогда я первый кандидат на увольнение”» (М., 58 лет).

Экономия и заготовка запасов как адаптационная стратегия.

Стратегии бытовой адаптации к новой реальности, то есть приспособления к изменившимся условиям повседневной жизни, схожи у сторонников и противников СВО. Ориентация на экономию стала основной стратегией для информантов. *«Меньше денег откладывается теперь из-за этого, придется выбирать более дешевые бренды теперь» (М., 36 лет).* Некоторые стали больше пользоваться оптовыми магазинами. *«Раньше мы ходили по “Пятерочкам” всяким, по “Перекресткам”. Сейчас мы ездим в “Светофор”, где подешевле» (М., 45 лет).* Для большинства потребность в экономии на повседневных тратах стала значительно более актуальной. Люди больше стали присматриваться к акциям и скидкам. В то же время они были неприятно удивлены сокращению многих программ лояльности. *«Половина программ лояльности, они же были, все эти движки были за границей. Они сейчас хакнулись, баллы обнулились. Те же “Перекресток”, “Пятерочка” — сейчас многие программы, наоборот, стали хуже» (М., 45 лет).* Что касается брендов, то респондентов печалит тот факт, что теперь на фоне повышения цен и ухода с рынка их любимых брендов приходится искать российские заменители, которые их не вполне устраивают. *«Будем переходить на другие бренды, которые не попали под санкции» (Ж., 41 год).* Пищевые предпочтения информантов изменились несильно. Возросло потребление домашней еды, затраты на питание люди стараются сокращать. *«Доставку перестали... Мы роллы обычно заказывали, а за это время — один раз» (Ж., 44 года); «К более здоровой пище получается тяга» (М., 45 лет).* Один из участников отметил рост потребления сладкого. *«Шоколадок больше стал есть — этих “Сникерсов” разных, “Марсов”» (М., 37 лет).* Доставкой еды стали пользоваться реже. Транспортные привычки в целом не поменялись ввиду стабильности цены на бензин, но экономить на транспорте и обслуживании автомобилей респонденты стали несколько больше, поскольку существенно выросли цены на обслуживание и ремонт автомобилей. *«Не стал я вроде ездить меньше: бензин не дорожает. Но дорожают запчасти, и я теперь думаю: ах, куда-нибудь на дачу, километров на 400; потом думаешь: блин, масло уже вот столько, запчасти — вот столько, то есть накладные вот эти расходы. <...> Лишний раз задумаешься, стоит ли куда-то оголтело ехать, то есть целеполагание более взвешенное стало» (М., 45 лет); «Масло залить стоило 3 [тысячи], теперь стоит 7» (Ж., 43 года); «Пришлось подкорректировать планы — в планах было приобретение нового автомобиля в этом году. Теперь пришлось, как говорится, отложить на неопределенный срок» (М., 52 года); «Я всем в семье говорю: “Надо меньше ездить”».*

Потому что я боюсь ДТП, не представляю, сколько сейчас будет стоить ремонт, потому что запчасти выросли в разы» (М., 48 лет). Респонденты стали тщательнее продумывать логистику своих маршрутов, чтобы совершать меньше поездок. *«Раньше было: туда надо, туда надо, сейчас составляю план, чтобы одной поездкой все охватить»* (М., 58 лет); *«Либо общественный транспорт, либо так же логистику продумываю»* (М., 48 лет); *«Перспектива нового автомобиля просто отдалилась уже»* (М., 36 лет). Некоторые из молодых респондентов купили набирающие популярность электросамокаты.

На фоне повышения цен и дефицита товаров многие участники независимо от их отношения к боевым действиям стали закупать впрок товары первой необходимости. *«Все куплено впрок: и бритвы, и после бритья — все вот это»* (М., 37 лет); *«Я купила парфюмерию, крема, зубную пасту там...»* (Ж., 41 год). Респонденты делали запасы, но без фанатизма. Кто-то купил немного сахара впрок, кто-то гречку, кто-то успел закупить стройматериалы до подорожания. *«Гречка, макароны. <...> Это может лежать и в хороших условиях практически хранится вечно»* (М., 45 лет). Но особой тревоги вопросы, касающиеся запасов продовольствия, у респондентов не вызвали. Более тревожной им представляется перспектива дефицита лекарств. *«Я делала для мамы запас лекарств: жизненно необходимый препарат, который начал исчезать и без которого, вот, она существовать не сможет, потому что не знаю, будет он поставляться в Россию или не будет. На полтора года купили, а дальше...»* (Ж., 46 лет). Но есть и те, кто воспринял ситуацию спокойно и не стал делать закупки. *«Я не разделяю таких ситуаций, что надо запастись что-то, — вы же сами создаете дефицит»* (М., 36 лет).

Обращение к новым практикам в Интернете: установка VPN и переход на российские площадки. Связанные с глобальными технологиями онлайн-сервисы пострадали от международной изоляции России. Информанты отмечают усложнение их использования. *«Конечно, неудобно сейчас в онлайн иногда бывает»* (М., 37 лет). Некоторые стали использовать другие платформы, в том числе отечественные. *«“Мир” установили»* (Ж., 41 год); *«Перетянулись на другие платформы, а что касается платформ “АлиЭкспресс”, “ОЗОН”, “Вайлдберриз”, в принципе, как было, так и было. Там тоже поначалу цены скакнули, потом, видимо, поняли, что люди просто брать не будут по таким ценам, и сейчас начались всякие эти купоны, опять же какие-то акции»* (М., 45 лет). Информанты отмечают переход сферы услуг на наличную оплату в целях ухода терпящего большие трудности бизнеса от налогов. *«Наличкой просят платить»* (М., 45 лет). Запрет иностранных социальных сетей умеренно негативно воспринят противниками СВО. Однако большой бедой для них он не стал. Основными каналами получения независимой информации стали YouTube и Telegram. Наметилась тенденция перехода от соцсетей к мессенджерам. Она наблюдалась и до военных

действий, но сейчас только усилилась. Отношение к российским социальным сетям в целом негативное, хотя и пользоваться ими россияне не перестают. Блокировки иностранных соцсетей по респондентам сильно не ударили. Для кого Facebook и Instagram были важны, те поставили VPN. *«VPN поставили»* (М., 45 лет). Остальные перестали ими пользоваться. Сторонники СВО и вовсе не увидели для себя проблемы в блокировке иностранных соцсетей, несмотря на то что среди них были пользователи Instagram. Они полагают, что в России есть замены этим соцсетям. *«Вместо одного “Инстаграма” выпустили сразу три социальные сети российских (“Росграм”, “Лимбика” и “Ярус”)*» (Ж., 31 год). Своими аккаунтами в Instagram они не дорожат, а Facebook они и не пользовались.

Способы поиска и отбора новостей и информации. Независимо от оценок СВО респонденты постепенно отказываются от просмотра телевидения и чаще уходят в Интернет, но пользуются они там разными ресурсами в соответствии со своей политической позицией: от оппозиционера Николая Бондаренко до канала Министерства обороны. Кластеризация информационного пространства среди участников не выявлена, в «информационные пузыри» они не попадают. Но это не потому, что они стремятся к созданию паритета источников, а потому, что слабо ориентируются в политическом медиапространстве и не имеют ни времени, ни упорства, ни желания в нем разбираться. *«Ну, некогда нам, работаем... Вот обедаем, кнопку нажал, посмотрел»* (Ж., 43 года). Отношение к информационным источникам у них сложилось довольно критическое, сформировано устойчивое ожидание обмана с любой из сторон конфликта. Понимая, что не в силах отличить обман от истины, авторитетные источники от неавторитетных, люди идут по пути наименьшего сопротивления, относясь с равновысокой степенью подозрительности к разным источникам. Они полагают, что при одинаковой степени недоверия к источникам, представляющим обе противоборствующие стороны, они приблизятся к истинной картине событий, и это позволит сформировать собственное мнение. *«Я понимаю, что сейчас правды нет нигде, и я стараюсь как можно больше источников собрать, чтобы было много разной информации и где-то там в середине, наверное, что-то похожее на правду есть»* (Ж., 52 года). При этом рассказы участников событий имеют наибольший авторитет для респондентов. Как у сторонников, так и у противников СВО отсутствует пул источников, которыми они пользуются на постоянной основе. Целенаправленный поиск информации среди них также не распространен. *«Бывает там в рекомендованных всплывет, зашел, не подписавшись, посмотрел что-то по этим событиям, которые там»* (М., 45 лет) Чаще всего респонденты находят информацию путем серфинга по новостным сайтам в «Яндекс Новостях» и рекомендованным каналам в «Ютубе». *«Ну я, в принципе, в новостях в “Яндексе”*

посмотрю ленту кратко, мне этого хватает» (Ж., 41 год). «Я в “Ютуб” захожу, в рекомендованных на что-нибудь интересное попаду, посмотрю, а так специально не ищу» (М., 36 лет). При этом отмечается низкий уровень вовлеченности респондентов: они потребляют информацию параллельно с другими делами. «Я включаю телевизор, он у меня говорит что-то, а я делами занимаюсь» (Ж., 46 лет). В условиях острой противоречивости получаемой из разных источников информации и невозможности проверки фактов или отсутствия навыков для работы с противоречивыми источниками данных люди либо возлагают надежду на «сарафанное радио», либо отстраняются от негативного информационного фона о военных действиях на Украине, либо вовсе отчаиваются найти правду о них.

Портреты сторонников и противников СВО в их собственном представлении

Независимо от своих политических взглядов респонденты испытывали некоторые трудности с описанием социального портрета сторонников и противников СВО. Участники групп считают, что поддерживают спецоперацию в основном представители старшего поколения и бюджетники среднего возраста. «Вот у меня есть прям психологический портрет такого человека. У меня одноклассница, она на всех этих форумах, на всех этих флагах рисует — вместо снежинок она букву Z ставит. Но она работает типа как-то старшим по дому, ЖКХ, ТСЖ, районным каким-то депутатом. У них там добровольно-принудительные махания этими флагами, колонны. <...> Она комсомолка, активистка, с тех пор, вот, еще эти дрожжи советские» (М., 45 лет). Участниками фокус-групп было высказано предположение, что основой дифференциации сторонников и противников СВО является их отношение к Путину: сторонники Путина поддерживают спецоперацию, а его противники выступают против. «Это, наверное, кто за и против Путина. Кто “за” — они за все действия, кто против самого Владимира Владимировича, тот, соответственно, встал на противоположную сторону» (Ж., 31 год). Сторонники и противники дают похожие описания и своих единомышленников и оппонентов. При этом некоторые из сторонников рисуют непривлекательный образ своих оппонентов и приписывают им несамостоятельность принятия решений, тогда как своих единомышленников они описывают как патриотов. «Сторонник, я считаю, это человек-патриот, который всегда за свою страну, как плохо, что бы плохо ни было, он должен своей страной гордиться и про свою страну всегда говорить хорошо» (М., 29 лет). Они отказывают противникам СВО в субъектности принятия решений, однако описывают их образ клишированными фразами еще советской пропаганды и признаются в готовности поддержать любое решение российских властей, поскольку являются патриотами своей страны, то есть приня-

тие решений заменяют априорным одобрением. «Я никогда не поменяю своего мнения в том плане, что я всегда буду за Россию и как бы за наше государство» (М., 29 лет); «Люди, которые ничего не изучают, не пытаются изучить историю какую-то, как это все было, они, вот, против Путина. <...> У вас же [упрек в адрес таких людей] как бы 8 лет война уже идет» (Ж., 30 лет). Некоторые сторонники СВО также редуцируют всю Россию до действий ее власти. Позиция любой российской власти для них и есть позиция России. «Мне кажется, сторонники — это те, кому нравится жить в России, они будут и дальше жить и будут всегда за Россию. Не важно, что случится, они будут ее поддерживать, и не важно, там, будет Путин или другой какой-то президент, они всегда будут поддерживать то, что будет твориться» (М., 33 года). В то же время одна из противниц СВО описала сторонников ввода войск на Украину как более грубых и резких людей, выносящих более категоричные суждения. «Люди, которые говорят, что они за Путина, за Россию, они, ну, более резкие, что ли. Они пытаются говорить, что они патриоты, но при этом [есть] люди, которые так же любят Россию, просто у них есть другое отношение со стороны, наверное, морально-этических каких-то моментов. <...> Ты представляешь, что это тоже люди, у тебя с ними одна история, и то, что я имею возможность сказать, что я против войны, это не значит, что я против своей страны» (Ж., 26 лет).

Относительно поддержки спецоперации молодежью мнение двоякое. С одной стороны, респонденты считают, что молодежь ее не поддерживает. «Ну, не молодые точно, не молодой человек, потому что молодежи как-то пофиг» (Ж., 43 года). С другой стороны, они обращают внимание на масштаб патриотической пропаганды и деятельность проправительственных молодежных организаций. «А Юнармия та же самая. Также ходят, маршируют с этими флагами ДНР. Сегодня ходили по Осипенко» (М., 45 лет).

Участники групп в основном слабо дифференцируют сторонников и противников введения войск на Украину по источникам получаемой ими информации. Противники СВО такой дифференциации не высказывают, тогда как сторонники считают, что их оппоненты находятся под влиянием «пятой колонны», «Ютуба» и западных СМИ. «Но есть люди, которые, насмотревшиеся каких-то ютубов, я не знаю, социальных сетей, Интернета, начинают поглощать информацию, которую специально настраивают против, то есть работает там пятая колонна, грубо говоря» (М., 29 лет); «Они западные СМИ смотрят» (М., 33 года). Количество жертв, по мнению участников групп, не пугает сторонников СВО: жертвы ими воспринимаются как неизбежный побочный эффект боевых действий. «Сторонники, им не важно, что там... Идут сопутствующие жертвы и т. д.» (М., 45 лет); «Те, кто противники, они, мне кажется, более эмоционально это все воспринимают, и для них важны жертвы» (Ж., 44 года).

Оценки сторонниками и противниками СВО уровня ее поддержки в обществе

Среди участников групп преобладает мнение, что большинство россиян проголосовали бы за введение войск даже после того, как увидели последствия боевых действий. Прогнозы сторонников и противников спецоперации здесь разошлись. Сторонники СВО едины в своей уверенности, что ее поддержало бы большинство россиян; это совпадает с результатами массовых опросов относительно уровня поддержки спецоперации. При этом некоторые сторонники СВО и вовсе уверены, что решение о начале боевых действий поддерживают все «адекватные» и «понимающие» ситуации россияне. *«Я думаю, так бы сделали все, кто понимает, о чем речь идет»* (Ж., 30 лет); *«Думаю, если разложить все по полочкам, для чего все это, думаю, адекватный человек принял бы решение то, что “за”, чтобы не было бы всего этого нацизма у нас»* (Ж., 31 год). Среди противников мнения разделились практически поровну. Одни считают, что и большинство населения не поддержало бы начало боевых действий (*«Я считаю, что большинство было бы против, потому что война — это страшно, никто не хочет войны»*) (Ж., 26 лет). Другие полагают, что большинство было бы все-таки «за» по причине сильного пропагандистского воздействия (*«При том что такая информация идет — что если не мы, то на нас, — страна в большей степени проголосовала бы “за”»*) (Ж., 44 года). В то же время в первой группе, где все респонденты были противниками вторжения на Украину, превалировало мнение, что и большинство людей проголосовали бы «против». Таким образом, получает подтверждение описанный Л. Россом и его соавторами еще в прошлом веке эффект ложного согласия — когнитивное искажение, при котором люди склонны считать, что их точку зрения разделяют большинство людей [12].

Выводы

Анализируемые фокус-группы были проведены в апреле 2022 г., то есть в самом начале военных действий и их экономических последствий. Сразу оговоримся, что применение полученных нами результатов имеет ограниченный характер. Тем более что к моменту публикации статьи в нашем обществе и мире произошло много изменений, связанных с военными действиями на Украине. Так что результаты проведенных фокус-групп следует рассматривать как срез мнений информантов, приуроченный к определенному времени и месту.

На момент публикации статьи боевые действия идут уже больше года, а экономическая ситуация смогла стабилизироваться, пусть и на новом, пониженном, уровне, поэтому сделанные участниками весьма негативные экономические прогнозы могли быть скорректированы. В то же время транслируемый в государственных СМИ и отраженный в нарративах сторонников СВО прогноз быстрой победы не оправ-

дался, что тоже способствует изменениям общественного мнения, которые необходимо дополнительно исследовать. Кроме того, спустя несколько месяцев после проведения фокус-групп была объявлена частичная мобилизация, то есть боевые действия перестали быть внешним для многих россиян событием, вторгшись в их судьбы и судьбы членов семей. Речь идет не только о мобилизованных, но и об эмигрировавших или другими способами избежавших мобилизации. Даже те, чьи семьи не были затронуты напрямую, ощутили угрозу отправки на фронт своих близких и могли скорректировать восприятие боевых действий. И наконец, с момента проведения фокус-групп появились сведения о погибших и раненых, наличие которых в ближнем круге общения респондентов меняет их восприятие боевых действий, а для семей, столкнувшихся с потерей близких, нынешний военный конфликт становится источником личной трагедии.

Люди почувствовали изменение своей жизни после введения войск на Украину. Участники фокус-групп отмечают рост цен, снижение доходов, санкционные ограничения. При этом сторонники СВО говорят об экономических трудностях, в то время как противников также волнуют ухудшение международных отношений, имиджа России в мире и человеческие жертвы на Украине. Повседневные бытовые практики изменились несущественно, но люди стали больше экономить, отказываться от далеко идущих планов. Горизонт планирования значительно сузился. Ощущение ограничений свободы тесно связано с политической позицией респондентов: сторонники СВО без труда готовы заменить ставшие недоступными соцсети и источники информации, в то время как противники остро переживают утрату свободы слова. В целом противники сильнее почувствовали на себе связанные с СВО проблемы, поскольку они испытывают не только экономические трудности, но и психологический дискомфорт и фрустрацию.

Ключевым оправданием введения войск на Украину стала артикулируемая его сторонниками угроза нападения со стороны НАТО на Россию. Об этой угрозе они говорят в дискурсе официального геополитического нарратива, транслируемого государственными СМИ. Противники СВО называют ее неоправданной, поскольку не считают угрозу нападения на Россию реальной, не приемлют жертв и разрушений от боевых действий в XXI в. и не считают, что Россия вправе вмешиваться в дела других суверенных государств. Аргументация противников спецоперации более развернутая, риторические приемы богаче, чем у сторонников СВО, которые чаще повторяют клишированные фразы, направленные на дискредитацию политических оппонентов. Соотношение сил сторонников и противников в наших группах не соответствует тому их соотношению, которое мы видим по массовым опросам: среди участников групп противников СВО было немного больше, чем его сторонников. По-видимому, противники СВО изъяс-

ляют большее желание участвовать в фокус-группах, но в любом случае наша выборка не репрезентативна ни для Самарской области, ни для России в целом. Образы сторонников и противников введения войск на Украину, рисуемые информантами, различаются в зависимости от того лагеря, к которому они сами относятся.

В большинстве случаев поддержка/неподдержка спецоперации оказалась редуцирована до уровня согласия/несогласия — обстоятельно аргументированной позиции относительно СВО, готовности ее отстаивать, специального изучения тематики среди участников групп выявлено не было. Острыми политическими дискуссиями обсуждения тоже не стали. В целом для информантов характерны примирительная позиция и стремление избегать политических конфликтов, которые, однако, случаются в их окружении из-за неспособности людей вести дискуссии на острые политические темы. Тем не менее и у сторонников, и у противников СВО сформирована своя позиция по поводу правильности этой военной операции. Пусть транслируемые ими нарративы и не основаны на глубоком изучении темы, а сами участники не хотят ставить на кон личные блага и комфортную жизнь ради отстаивания своей точки зрения, однако можно утверждать, что свой моральный выбор информанты сделали и понимают его суть, хотя и каждый по-своему.

Восприятие будущего тоже различается в зависимости от политических взглядов информантов. Противники СВО ожидают больших проблем и изоляции России, боятся, что страна дойдет до уровня сталинского СССР или КНДР. Сторонники, напротив, чересчур оптимистичны. Они прогнозируют быстрое восстановление экономики и усиление России, не обращая внимания на объективные препятствия. Высокий уровень тревожности и неуверенность в завтрашнем дне — это то, что объединяет респондентов разных пола, возраста и политической позиции.

Описание адаптационных стратегий

Адаптационные стратегии участников фокус-групп — сторонников и противников спецоперации — в начальном периоде ее проведения имеют ряд сходств и различий. Как сторонники, так и противники СВО приспособливают повседневные бытовые практики к изменившимся условиям жизни: стараются экономить, переходят на российские бренды, откладывают заграничные поездки и крупные покупки до лучших времен. И те и другие с осторожностью смотрят в будущее, стараются отвлекаться от переживаний с помощью работы и досуга, избегают обсуждений украинской тематики для предотвращения конфликтов, не имеют собственного пула источников новостей и информации, ищут ее с помощью серфинга в Интернете и на новостных агрегаторах. Независимо от политической позиции информанты в це-

лом аполитичны и стараются сторониться вторжения политической повестки в собственную повседневность.

Сторонники СВО легче восприняли связанные с ней трудности, поскольку для них они имеют преимущественно экономический характер, тогда как противники, помимо экономических, столкнулись с психологическими проблемами из-за несогласия с решением ввести войска на Украину. Адаптационная стратегия сторонников основана на ожиданиях изменений к лучшему по итогам СВО. Они верят в перспективы импортозамещения, полагают, что нашей стране удастся преодолеть все трудности, надеются на приобретение новых территорий и связывают свой оптимизм с надеждой на возможности существования России в условиях экономической автаркии. Рациональных аргументов в пользу своих прогнозов они не приводят, однако для их адаптационной стратегии это не имеет большого значения: вера в лучшее будущее, свое и собственной страны, играет для них психотерапевтическую роль, помогая справляться с повседневными трудностями и неопределенностью ситуации. Их адаптационная стратегия состоит в том, чтобы заниматься решением собственных повседневных проблем, надеясь на лучшее и доверяя официальной точке зрения на СВО, абстрагируясь от политических проблем и оставляя решение их власть имущим. С точки зрения личного комфорта эта стратегия казалась успешной, по крайней мере, до объявления мобилизации, когда «политика» вмешалась в повседневность значительной доли населения. Перспективы успешности данной адаптационной стратегии зависят от того, насколько российским властям удастся удерживать военные действия за пределами личной жизни большинства россиян.

Противникам СВО адаптироваться к ее условиям оказалось значительно сложнее. Для них с ее проведением связаны, как уже отмечалось, не только экономические, но и психологические, нравственные проблемы. Противники столкнулись с трудностями, вызванными политическим решением, которое они, во-первых, не поддерживают и не выбирали, а во-вторых, к которому они не готовы ни экономически, ни психологически, ни политически ввиду собственной аполитичности. Будущее им представляется в крайне пессимистичных тонах, что усиливает и без того значительный стресс от восприятия ситуации. Главной их адаптационной стратегией становится избегание — политических новостей, темы СВО в разговорах, поддерживающих ее людей. Они не чувствуют в себе сил изменить ситуацию, поэтому так же, как и сторонники спецоперации, стараются углубиться в решение собственных повседневных проблем, но делают это не с надеждой на лучшее будущее и верой в возможности своего государства, а с пессимистичным неприятием ситуации, отсутствием привлекательных образов будущего, осознанием несправедливости сложившейся ситуации и чувством несогласия с ней. Однако об их дезадаптивности

в начале спецоперации говорить не приходится: они также продолжают выполнять повседневные трудовые и бытовые обязанности, проводить досуг, поддерживать социальные связи и потреблять товары и услуги. Только адаптировались к изменившейся реальности они на новом — значительно более тревожном и менее комфортном — уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. — 323 с.
2. *Гудков Л.Д.* Возвратный тоталитаризм. В 2-х т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 846 с.
3. *Звоновский В.Б., Ходыкин А.В.* Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 38–53. DOI: 10.31857/S013216250021524-9 EDN: IGHNKE
4. *Пинкер С.* Просвещение продолжается. В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса / Пер. с англ. Г. Бородиной, С. Кузнецовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. — 626 с.
5. *Каримова Л.Ф.* Адаптационные стратегии бедного населения в современном российском обществе // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 1 (33). С. 133–140. EDN: ТУММҮН
6. *Попова И.П., Седова Н.Н.* Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 31–42. EDN: OWRPRJ
7. *Kahan D.M.* Cognitive Bias and the Constitution of the Liberal Republic of Science // Yale Law School, Public Law Working Paper. 2012. No. 270. — 36 p. DOI: 10.2139/ssrn.2174032
8. *Kahan D.M.* Climate-Science Communication and the Measurement Problem // Political Psychology. 2015. No. 36. P. 1–43. DOI: 10.1111/pops.12244
9. *Kahan D.M., et al.* Cultural Cognition of the Risks and Benefits of Nanotechnology // Nature Nanotechnology. 2009. No. 4. P. 87–90. DOI: 10.1038/nnano.2008.341
10. *Kahan D.M., et al.* The Tragedy of the Risk-Perception Commons: Culture Conflict, Rationality Conflict, and Climate Change. Cultural Cognition Working Paper No. 89. 2011. — 31 p. [online]. Accessed 22.02.2023. URL: <https://www.law.upenn.edu/live/files/296-kahan-tragedy-of-the-risk-perception1pdf>
11. *Kahan D.M., et al.* Motivated Numeracy and Enlightened Self-Government // Behavioural Public Policy. 2017. No. 1. P. 54–86. DOI: 10.1017/bpp.2016.2
12. *Ross L., Greene D., House P.* The “False Consensus Effect”: An Egocentric Bias in Social Perception and Attribution Processes // Journal of Experimental Social Psychology. 1976. No. 13. P. 279–301. DOI: 10.1016/0022-1031(77)90049-X

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Звоновский Владимир Борисович — доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет.

Телефон: +7 (846) 229-67-33. **Электронная почта:** zvb@socio-fond.com

Ходыкин Александр Владимирович — кандидат социологических наук, социолог, Фонд социальных исследований.

Телефон: +7 (961-380-43-26). **Электронная почта:** a.khodykin@socio-fond.com

Дата поступления: 11.01.2023.

SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 1. P. 8–35. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.1

Research Article

BORIS V. ZVONOVSKY¹, ALEKSANDER V. KHODYKIN²

¹ Samara State University of Economics.

141, Soviet Army str., 443090, Samara, Russian Federation.

² Social Research Institute.

70, Krasnoarmeyskaya str., office 1, 443041, Samara, Russian Federation.

**ADAPTATION STRATEGIES OF OPPONENTS AND SUPPORTERS
OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION TO THE CURRENT SITUATION
(BASED ON RESIDENTS OF SAMARA REGION)**

Abstract. Strategies for adapting to traumatic events such as military conflicts are largely determined by a person's outlook on such events. As such, research on the differences in the adaptation strategies of Russian supporters and opponents of the "special military operation" in the Ukraine (SMO) to the current situation provides a sociological description of how assessments of traumatic events impact the development of strategies for adapting to them. The purpose of this article is to describe the similarities and differences in adaptation strategies between supporters and opponents of the SMO. To achieve the research goals, the authors conducted 4 focus group studies with 6 participants each from the Samara region in April of 2022, recruited by gender, age and income level. The adaptation strategies of supporters and opponents of the SMO have a number of similarities and differences. Both supporters and opponents reconsidered their everyday practices according to the changes in their conditions of living. Both parties look into the future with caution, while trying to distract themselves from their experiences by focusing on work and leisure, and avoiding discussing topics related to the Ukraine in order to prevent conflicts. At the same time, supporters of the SMO weren't as worried about the difficulties associated with it, since for them they are mainly economic in nature, while opponents, in addition to economic issues, deal with psychological problems due to them disagreeing with the decision to send troops to the Ukraine. The adaptation strategy of supporters boils down to them solving their own everyday problems, believing in the best and trusting the official point of view on the SMO, removing themselves from political matters and leaving them to the powers that be. Its opponents found it much more difficult to adapt to the current situation. Their main adaptation strategy lies in avoiding the following: political news, discussing the SMO, as well as supporters of the SMO. They

feel powerless to do anything about the situation, therefore, just like the supporters of the “special operation”, they try to delve into solving their own everyday problems, but they do it not with hope for a better future and faith in the capabilities of their country, but with a pessimistic rejection of the situation, a lack of any sort of positive outlook on the future, awareness of the unfairness of the situation and a sense of disagreement with it.

Keywords: Ukraine; special military operation; adaptation; focus group; political conflict.

For citation: Zvonovsky, B.V., Khodykin, A.V. Adaptation Strategies of Opponents and Supporters of the Special Military Operation to the Current Situation (Based on Residents of Samara Region). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 8–35. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.1

REFERENCES

1. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. [Russ. ed.: *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Transl. from Eng. by E. Rutkevich. Moscow: Medium publ., 1995. 323 p.]
2. Gudkov L.D. *Vozvratnyi totalitarizm*. [Recurrent totalitarianism.] Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2022. 846 p. (In Russ.)
3. Zvonovskii V.B., Khodykin A.V. Reflection of the cultural power of the geopolitical narrative in the collective perceptions of Russians about the military operation in Ukraine. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 11. P. 38–53. DOI: 10.31857/S013216250021524-9 (In Russ.)
4. Pinker S. Enlightenment Now. The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress. [Russ. ed.: *Prosveshcheniye prodolzhaetsya. V zashchitu razuma, nauki, gumanizma i progressa*. Transl. from Eng. by G. Borodina, S. Kuznetsova. Moscow: Al'pina non-fikshn publ., 2021. 626 p.]
5. Karimova L.F. Adaptive strategies of poor population in the modern Russian society. *Izvestiya vuzov. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*. 2015. No. 1 (33). P. 133–140. (In Russ.)
6. Popova I.P., Sedova N.N. Extra-employment in successful adaptation strategies. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004. No. 2. P. 31–42. (In Russ.)
7. Kahan D.M. Cognitive Bias and the Constitution of the Liberal Republic of Science. *Yale Law School, Public Law Working Paper*. 2012. No. 270. 36 p. DOI: 10.2139/ssrn.2174032
8. Kahan D.M. Climate-Science Communication and the Measurement Problem. *Political Psychology*. 2015. No. 36. P. 1–43. DOI: 10.1111/pops.12244
9. Kahan D.M., et al. Cultural Cognition of the Risks and Benefits of Nanotechnology. *Nature Nanotechnology*. 2009. No. 4. P. 87–90. DOI: 10.1038/nnano.2008.341
10. Kahan D.M., et al. *The Tragedy of the Risk-Perception Commons: Culture Conflict, Rationality Conflict, and Climate Change. Cultural Cognition Working Paper No. 89*. 2011. 31 p. Accessed 22.02.2023. URL: <https://www.law.upenn.edu/live/files/296-kahan-tragedy-of-the-riskperception1pdf>
11. Kahan D.M., et al. Motivated Numeracy and Enlightened Self-Government. *Behavioural Public Policy*. 2017. No. 1. P. 54–86. DOI: 10.1017/bpp.2016.2
12. Ross L., Greene D., House P. The “False Consensus Effect”: An Egocentric Bias in Social Perception and Attribution Processes. *Journal of Experimental Social Psychology*. 1976. No. 13. P. 279–301. DOI:10.1016/0022-1031(77)90049-X

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir B. Zvonovsky — Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics.
Phone: +7 (846) 229-67-33. **Email:** zvb@socio-fond.com

Alexander V. Khodykin — Candidate of Sociological Sciences, Sociologist, Social
Research Institute. **Phone:** +7 (961-380-43-26). **Email:** a.khodykin@socio-fond.com

Received: 11.01.2023.
